

пожелал бы для себя лучшей: просто и деловито, с большой теплотой и тонкостью. Прекрасный образ «учителя науки» ласково смотрит с этих страниц, изящный и четкий стиль которых иногда напоминает язык самого Ивана Михайловича.

Книга снабжена предисловием Ив. Ив. Толстого, кратким и превосходным.

М. Е. Сергеевко

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ДРЕВНИЙ МИР.

Выпуск I, С. Кечекьян, Древний Восток и Древняя Греция. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 216, 8 000 экз., цена 9 р. Выпуск II, И. Перетерский, Древний Рим. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 195, 8 000 экз., цена 8 р.

Предпринятое Юридическим издательством НКЮ СССР издание «Всеобщей истории государства и права» не только отвечает потребности в учебной литературе для юридических институтов, но и отражает возросшую необходимость исследования истории государства и права, роль и значение которых в жизни народов огромны. Выроши как идеологические надстройки над социально-экономическим базисом, политические правовые идеи и нормы оказывают в свою очередь обратное воздействие—прогрессивное или реакционное—на развитие общества. Поэтому важно уметь вскрывать их подлинную сущность и понимать их историческую роль. А для этого необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

В предисловии к первому выпуску «Всеобщей истории государства и права», которое, повидимому, служит предисловием и ко всему изданию, автор указывает, что «Курс всеобщей истории государства и права ставит своей задачей проследить развитие государства и права на протяжении всей истории человеческого общества. Этот курс должен показать процесс возникновения первых государств и первых систем права и отразить все существенные перемены, происходившие в политических учреждениях и правовых системах с момента возникновения государства и права до наших дней» (стр. 3).

Но история государства и права не представляет собой обособленную историю спонтанного саморазвития политических институтов и правовых норм, раскрытия неких вечных идей, как это изображает буржуазная наука. Право и государство «должны изучаться, как надстройка над экономическим базисом, их развитие должно и может быть правильно освещено лишь в связи с развитием производительных сил и производственных отношений общества» (стр. 5).

Эта мысль постоянно повторяется в первых двух выпусках «Всеобщей истории государства и права». Для ее развития древнее право дает особенно поучительный материал. Если в более поздние времена насилие эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством стало маскироваться демагогией о надклассовом

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 364.

характере государства и о равенстве всех перед законом, то в древности, особенно на ранних стадиях истории рабовладельческого общества, «классовый характер норм права... был ярко и открыто выражен... В интересах господствующих классов нормы права охраняют собственников и откровенно дают неодинаковую оценку интересам имущих и неимущих классов» (стр. 35).

Изучение идей права и господствовавших систем права в древности имеет и другое значение. Древняя история Востока, Греции и Рима, изучавшаяся с марксистской точки зрения, раскрывалась главным образом в плане гражданской, политической и социальной истории рабовладельческих обществ. История же культуры и, в особенности, история развития идей и институтов права в античных государствах мало занимала исследователей. Однако совершенно очевидно, что наиболее полное и всестороннее освещение истории древности возможно путем изучения не только социально-экономического, но и культурно-идеологического ее развития. Поэтому рецензируемые работы интересны не только как специальные, но и как общеисторические труды, выясняющие мало изучавшиеся с марксистско-ленинской точки зрения области древней истории.

Написанный С. Ф. Кечекьяном учебник «Древний восток и Древняя Греция» начинается с введения, показывающего возникновение рабовладельческого государства и права. Здесь изложены краткая история первобытного общества и процесс перехода от варварства к цивилизации. Изложение дано здесь в основном по книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Возможно, что при ограниченном объеме учебника достаточно было бы дать общую характеристику дикости и варварства и опустить подробный анализ их ступеней, на которых Энгельс не настаивает, допуская, что «значительное накопление нового материала может заставить внести изменения». Ненужные детали увлекают автора к рискованным положениям. Так, напрасно автор счел нужным поддержать так называемую «геральдическую теорию тотемизма», по которой тотемизм создан для того, чтобы можно было отличить один род от другого (стр. 18). Тотемизм, как показывает автор на стр. 18, — это целая система воззрений, связанных с производственными отношениями, и сводить его, хотя бы с оговорками, к условному наименованию, не следовало бы.

Развивая мысль Энгельса об отсутствии различия между правами и обязанностями при родовом строе, автор приравнивает поведение первобытного человека к поведению пчел и муравьев, которым «инстинкт мешает... отступать от поведения, полезного всему рою пчел или стаду муравьев» (стр. 34). Сравнение это нельзя признать удачным: для каждого марксиста ясно, что в человеческом обществе действует не биологический инстинкт, а общественные законы, основанные на производственных отношениях. Приведенная же формулировка, да притом еще в учебнике, мешает правильному восприятию вопроса.

Излагая историю государства и права древнего Востока, С. Ф. Кечекьян ограничивается лишь историей государства и права Египта и Вавилона, «относительно которых наука располагает наиболее значительным документальным и археологическим материалом и которые изучены лучше других» (стр. 39). Автор хорошо владеет не только юридическим, но также историческим материалом и удачно справляется с трудной задачей систематизации древневосточного права, излагая его в простой и ясной форме. Однако не все положения, выдвигаемые автором, в достаточной мере убедительны; некоторые из них сомнительны и спорны.

Общая характеристика государства древнего Востока, данная на стр. 39, в основном правильно отмечает особенности древневосточного общества и отличие его от античного: сохранение значительных пережитков первобытно-общинного строя, первобытные формы рабства, преобладание в качестве политической надстройки деспотии. Но при детализации этих общих формулировок автор выдвигает спорные положения. В числе пережитков первобытно-общинного строя он указывает «сохранение земельной общины и слабое развитие частной собственности на землю» (стр. 39). Эта формулировка не точна. Необходимо, во-первых, иметь в виду, что речь идет о сельской территориальной общине, не совпадающей с родовой организацией и отра-

жающей новую стадию в развитии общества. Во-вторых, «слабое развитие частной собственности на землю», о котором автор говорит не раз, не дает правильной характеристики земельной собственности в странах древнего Востока. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на отсутствие там частной собственности на землю. Такой частной земельной собственности, какая существовала, например, в древнем Риме, Восток, как правило, не знал. Имелось общинное и частное землевладение и землепользование, но не земельная собственность. Верховным собственником земли был царь или бог (в лице жрецов его храма). Даже Александр Македонский, как преемник восточных царей, в приенской надписи объявляет себя собственником всей земли. Поэтому владелец земли на Востоке обязан был отдавать верховному собственнику земли подать, дань и работать «на дом царя».

Отсутствие частной собственности на землю не препятствовало росту богатства господствующего класса, сумевшего, как остроумно замечает С. Ф. Кечекьян, придать «своему обладанию землей форму государственной собственности» (стр. 43). Этому положению не противоречат и «акты продажи домов, полей, садов, рабов и т. п.» (стр. 90). Владение землей допускало продажу ее, но оно было прекарным, что показано в частности и С. Ф. Кечекьяном (стр. 93). Даже еще при Селевкидах дарения и продажа земли были прекарны и каждый следующий царь мог подтвердить или отнять дар, подтвердить или аннулировать продажу.

Другим пережитком первобытно-общинного строя автор считает «большое значение коллективного рабовладения» (стр. 39, 44, 76 и др.). Особенно категорически это утверждается для Египта (стр. 60). Такая слишком неконкретная формулировка не способствует правильно уяснению специфики восточного рабства. Наоборот, у учащегося может составиться представление, что на древнем Востоке рабовладельцы были коллективистами. Конечно, поскольку храмы и цари непосредственно распоряжались большими хозяйствами, они имели и большое количество рабов. Но характерно для Востока не «коллективное», а домашнее рабство, поскольку там сохраняется натуральное хозяйство и нерасчлененное единство города и деревни.

Это не значит, что древневосточные общества не были рабовладельческими. Рабство даже в начальные периоды истории стран Востока было ведущим и прогрессивным способом производства, который все больше завоевывал себе место по мере разложения общины, тормозившей его развитие. В зависимости от исторических условий, процесс развития рабовладельческих отношений мог привести, как мы это видим в позднем Вавилоне и отчасти в Финикии, к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости¹.

Общая характеристика Древнего Востока, данная в учебнике, должна быть в следующем издании уточнена и конкретизирована.

Египетское право автору приходится излагать на основании скудных литературных памятников и отдельных документов. С Вавилоном дело обстоит лучше: сохранился древний свод законов—кодекс Хаммураби. Анализ этого кодекса в учебнике точен и ясен. Автор удачно полемизирует с акад. В. В. Струве по вопросу о мар-авелим и мушкену, отвергая вывод акад. Струве (в старом издании его книги «Древний Восток»), будто мар-авелим владели рабами коллективно. Можно указать еще на то, что «рабы авилум» прямо названы в статьях 206, 207, 223 кодекса.

Оценка С. Кечекьяном исторической роли кодекса Хаммураби не вызывает возражений. Для своего времени это было объективно положительным явлением, независимо от тех целей и намерений, какие приписывает вавилонскому царю автор (стр. 75). Остается пожалеть, что автор не дал такого же анализа других законодательных памятников Древнего Востока, в частности Хеттского судебного. Это можно было бы сделать за счет сокращения изложения истории Шумера, которое ничего не дает ни для истории государства, ни для истории права. Изложение вавилонского права выиграло бы также, если бы автор остановился на роли кодекса Хаммураби в развитии права на Востоке, сопоставляя его с библейской «Книгой Завета» и другими памят-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 232.

никами. Следует считать недостатком отсутствие сравнительно-исторического анализа юридических памятников древневосточных обществ.

В истории древнего Востока осталось еще много неисследованных вопросов. До сих пор неясен процесс образования государств на Востоке. Что это был процесс длительный, трудный, связанный с острой классовой борьбой,—это можно заключить из истории борьбы между городами Шумера в III тысячелетии, из реформ Урукагины, из истории образования государства Израиля, Древнего царства в Египте. Еще не исследованы по-настоящему земельные отношения. Неясно, как эксплуатировались земельные владения крупных владельцев, как использовался прибавочный продукт и многое другое. Поэтому в учебнике по ряду вопросов правильнее было бы избегать слишком категорических утверждений, например, что «рабы составляли главную массу непосредственных производителей, занятых на ирригационных сооружениях, на грандиозных постройках, предпринимавшихся египетскими царями, они же работали наряду со свободными на полях и в мастерских» (стр. 43), или что «большие массы рабов стали широко использоваться на работах по сооружению плотин и каналов» (стр. 41). На стр. 45 автор пишет, что в период Древнего царства в Египте «окончательно преодолеваются все местные центробежные силы, завершается консолидация страны», но на следующей странице ему приходится говорить об усилении центробежных сил. Очевидно «местные центробежные силы» не были «окончательно преодолены», и Древнее царство еще не имело прочной экономической базы.

Реформы Урукагины вряд ли вызваны тем, что жрецы узурпировали светскую власть (стр. 70). Судя по тексту надписи, речь шла о восстановлении узурпированных знатью прав общины, воплощенной в лице богини Бау и бога Нингирсу.

В учебнике, в разделе истории Востока, есть отдельные неточности и не вполне удачные выражения например «части многочисленной находки» (стр. 11). Кости неандертальцев найдены не только близ Дюссельдорфа, здесь поэтому лучше сказать: «найденные впервые близ г. Дюссельдорфа» (стр. 11). Автор пишет: «Гибель Египта (525) произошла... за 14 веков до зарождения начатков русской государственности» (стр. 37). Непонятно, зачем понадобилась такая странная датировка. К тому же она неправильна и по существу. Как показали исследования советских историков, особенно акад. Б. Д. Грекова, «зарождение начатков русской государственности» относится к гораздо более раннему времени, чем традиционная дата 862 год. Хетты в конце XIII в. не исчезают совсем с арены истории, как можно подумать на основании текста на стр. 38; лишь Саргон II в конце VIII в. положил конец существованию хеттских государств. Непонятно, что означает фраза: «Земля, переданная храмам, поступала в совместное пользование храмов и должностных лиц храма» (стр. 61). Неудачно и такое выражение: «Были усилены поборы, и вместо натуральных приношений при отсутствии их стали взимать серебро» (стр. 70). «Илу»—это не титул царя, как указано на стр. 78, а детерминатив в его теофорном имени. На стр. 93 «п о в и н о с т и в пользу общины» неправильно разъясняются как « п р а в о взимать сборы». «Авилум» означает «муж», а не «сын мужа», как указано на стр. 85; «сын мужа»—*maḥ awilim*; у нас теперь принято писать «Шумер», «шумерийский» и т. д., а не Сумир (стр. 77). Суббару вместо Субарту (стр. 77), повидимому, просто опечатка. Неудачно выражение «губернатор Ларсы» (стр. 85).

*

Истории государства и права Греции предпослана в учебнике краткая характеристика гомеровского общества, как военной демократии. Однако сущность военной демократии как переходной эпохи от родового общества к государству, а также общественно-правовые институты военной демократии и превращение их в органы государства не выясняются. Читателю так и остается неясным, как власть басилея, совета старейшин и собрания воинов превращается в публичную власть, каковы те исторические обстоятельства, при которых возникла новая форма права этих старых, существовавших еще при родовом строе институтов. Военная демократия, которой Энгельс отводит важное место как явлению, открывающему новую эпоху в условиях

распада родового строя в Греции, автором освещена односторонне. Характеристика греческого полиса дана очень кратко; вслед за этим автор пишет, что ограничивает свою задачу «изучением права двух греческих государств: Спарты и Афин» (стр. 184), как наиболее характерных и лучше изученных греческих полисов. Но фактически в учебнике дано только афинское право. Это имеет известное оправдание: афинское право было ведущим, оказавшим сильное влияние на право, действовавшее в других полисах.

Греция не оставила нам таких обширных сводов права, как Рим, не сохранилось даже кодекса, подобного вавилонскому кодексу Хаммураби. Именно поэтому в истории греческого права не следовало бы игнорировать те законодательные памятники, которые до нас дошли, в первую очередь Гортинские законы. Отсутствие анализа свода Гортинских законов, восходящих по содержанию к VI в., следует признать досадным упущением. Гортинские законы тесно связаны с последующим развитием греческого права. Сближение их с афинскими порядками и идеализация гортинского права у некоторых афинских представителей философии и литературы (например, у Платона) общеизвестны и в развитии общественно-политических идей Греции этот момент не раз отмечался. Автор учебника не приводит ни одного закона из Гортинского свода. А между тем Гортинский судебник неоднократно опубликовывался с различными дополнениями и комментариями, в том числе и в русской научной литературе.

Можно было использовать и папирусные отрывки из греческих законов, например *dikaionomata* в P. Hall., P. Lille 29 и др.

В тех ограниченных пределах, которые отвел себе автор, он дает изложение стройное, логичное, уложенное в ясную, легко усваиваемую схему. Это—нелегкая задача, так как афинское право приходится реконструировать из разрозненных данных греческих писателей и отдельных документов, дошедших до нас в надписях. От обычного изложения «греческих древностей» учебник выгодно отличается тем, что автор всюду старается показать классовую рабовладельческую сущность древнегреческих государств и права. Удачна характеристика частной собственности в Греции (стр. 190). Автор не раз вполне правильно отмечает ограниченность афинской демократии, как демократии рабовладельческой.

Однако надо отметить, что при критике афинской демократии недостаточно учтены условия места и времени. Конечно, афинская демократия, не признающая человеческих прав за рабом, отрицающая политическое равноправие женщин, служащая интересам в первую очередь крупных рабовладельцев, в наше время была бы бессмыслицей. Но для своего времени афинская демократия являлась величайшим достижением. На ее почве выросла великая греческая культура—поэзия, философия, искусство—до сих пор сохраняющая свое значение. Эта сторона афинской демократии в учебнике не освещена. Демократия Афин не противопоставлена также олигархии и такой реакционной силе, как Спарта. Не показано прогрессивное значение рабовладельческой демократии в древней Греции. Напротив, демократия дискредитируется (стр. 164).

В учебнике нет социально-политической характеристики Спарты, как оплота реакции во всем эллинском мире, как отсталой страны, где практиковались примитивные формы рабства, где производительные силы эксплуатировались хищническим образом. Не показано, как жестокий террор, при помощи которого кучка спартиатов старалась держать в узде массы трудящихся, заставляла их самих жить в вечном страхе, держать народ на низком жизненном уровне, искусственно тормозить производство, а это и привело к тому, что, когда внутренние силы, в конце концов, свергли жестокий режим, Спарта уже оказалась неспособной возрдыться к новой жизни. В то время как Афины, даже после утраты своей независимости, продолжали оставаться центром античной культуры, Спарта не дала миру ничего значительного.

Автор ограничивается формальным описанием государственного строя Спарты, и остается непонятным, каково познавательное значение этого описания, которое не позволяет учащемуся ориентироваться в вопросе о месте Спарты в эллинском мире и ее исторической роли.

При всей краткости учебника необходимо было бы сказать и об эллинистических государствах, пришедших на смену античным полисам. Эллинизм—большая и важная эпоха в истории человечества, сама по себе заслуживающая внимания историка государства и права. История афинского государства не может считаться полной, если не показано, к каким новым формам государства привел глубокий кризис полиса и в чем исторический смысл и значение государственных образований нового типа.

Досадным пробелом в учебнике является полное игнорирование международного права, тогда как для истории права это—одна из интереснейших тем.

По мере роста производительных сил автаркия полиса становилась практически невозможной, и возникли нормы междуэллинского права, прорвавшие рамки полиса, позволившие расширить экономические и политические связи городов-государств. Новые нормы взаимоотношений между полисами были самые разнообразные—от простой проксении, позволявшей эллину найти вне своего родного полиса некую правовую защиту, до настоящих союзов—симполитии, симмахии и таких мощных объединений как Афинские первый и второй морские союзы, Ахейский и Этолийский союзы. Новые правовые отношения между полисами основывались обычно на договоре и регулировались соответствующими законами. Свои законы имела и дельфийская амфикифия, установившая для своих членов правила ведения войны.

Но, помимо отношений между полисами, на основе договора существовали «неписанные законы» (*ἄγραφοι νόμοι*), освященные религией и общественным мнением нормы, которые Фукидид называет «общеэллиническими постановлениями», «порядками эллинов». Сюда относятся правила обращения с военнопленными, с телами убитых неприятелей, обязанность щадить во время военных действий храмы, соблюдать право убежища, не начинать военных действий без объявления войны. Нарушение этих норм международного права вызывало общественное негодование. Когда во время междоусобной Клеоменовой войны победители произвели жестокую расправу над Мантинеей, все эллины, по словам Филарха, «цепенели и плакали», а Плутарх говорит, что это было «не по-эллиниски».

Наконец, и вопросы процедуры в сношениях государств между собой, формы и типы различного рода договоров достаточно хорошо засвидетельствованы в источниках и вполне могут быть приведены в систему. Этот пробел необходимо в следующем издании восполнить, так как ни право, ни государство не могут быть полностью поняты без освещения международных отношений и международных норм права.

Некоторые отдельные замечания автора можно было бы уточнить и дополнить. Характеристику тирании Пизистрата (§ 48) следовало бы дополнить указанием, что тирания расчистила путь к демократии, сломив силу аристократов. Античное общество охарактеризовано неполно, если не отмечено господство города над деревней, что уместно было бы сделать на стр. 157. Из текста на стр. 153 можно вывести заключение, что до Солона в Афинах не было государства. Между тем далее правильно указывается, что реформы Солона означали «дальнейшее укрепление афинского государства, дальнейшую ликвидацию остатков родового строя» (стр. 155). Те частные причины острого кризиса и упадка Афин, которые приведены автором (стр. 181), недостаточны для объяснения этого кризиса, приведшего к потере независимости и к созданию нового типа государства—эллинистического. Самая глубокая, коренная причина кризиса указана Энгельсом. Это—рабство, которое рано или поздно приводит к неразрешимому в пределах данного рабовладельческого общества противоречию. Соответствующая цитата из «Диалектики природы» приводится на стр. 182, но не использована в своем месте.

К книге приложен список опечаток, далеко, однако, неполный. Укажем на некоторые опечатки, не отмеченные в списке, но могущие ввести в заблуждение учащегося. На стр. 40 вместо слова «вавилонского» должно быть «египетского». На стр. 57 после слова «подавления» пропущено слово. На стр. 62 и др. надо читать «стела», а не «стелла».

В заключение можно высказать пожелание, чтобы наиболее крупные разделы учебника и весь учебник в целом заканчивались какими-нибудь выводами, суммирую-

щими предшествующее изложение. От этого книга выиграла бы и внешне, ибо сейчас она как бы обрывается и кажется незаконченной.

Составление учебника истории государства и права древнего Рима облегчается тем, что в распоряжении автора есть *Corsus iuris* и что римское право уже основательно разработано юристами. Но последнее обстоятельство таит в себе и трудность—советскому ученому приходится преодолеть веками выработавшиеся формальные приемы изучения римского права, как совершенной самодовлеющей системы, не связанной с конкретными материальными условиями жизни. Автор учебника проф. И. С. Перетерский удачно справился со своей задачей.

Во введении автор указывает, что «римское право являлось наиболее развитой системой права рабовладельческого общества» (стр. 4). Вместе с тем «оно было прогрессивным явлением по сравнению с предыдущими правовыми системами. Рим создал многое новое в области права и имел могущественное влияние на дальнейшее развитие права... Это право не только имеет историческое значение, как право крупнейшего рабовладельческого государства, но и представляет собой исторически высокое достижение в области юридической техники» (стр. 5). Этим объясняется наш интерес к римскому праву, совершенно чуждому нам по содержанию.

Изложение на протяжении всего учебника пронизано историзмом, даже в анализе отдельных норм права. Понятно, данный учебник не может и не должен заменить учебник по истории Рима, но, насколько это необходимо, в нем даны четкие сведения по экономической и политической истории древнего Рима.

В соответствии с общей установкой учебника И. С. Перетерский показывает классовый рабовладельческий характер государства и права Рима на всех этапах его истории. Все изменения в структуре государства, политических учреждений и права связываются у него с соответствующими изменениями в социально-экономической жизни. Так, по поводу утверждения в Риме экстраординарного процесса, автор отмечает, что «принцессы, осуществляя военную диктатуру, последовательно искореняют республиканские формы, в которых проявляются какие-либо элементы демократии. С другой стороны, новая организация империи требовала единообразного устройства гражданской юстиции на всем протяжении государства» (стр. 85). На стр. 101 приводятся соображения, дающие историческое объяснение установлению права частной собственности прежде всего на *res populi*, и делается вывод, что *res populi*—это «остатки общественной собственности, которые после всех других видов имущества выделились из общественной собственности в собственность отдельных лиц». Защита претором права владения вещь «имела важное значение для господствующего класса: землевладельцы, купцы и т. п. далеко не всегда могли доказать свою собственность на находящееся у них имущество» (стр. 130). Расширение категории *delicta publica* за счет *delicta privata* «обуславливается усилением эксплуатации и ростом классовой борьбы, влекущими за собой усиление функций государства, как органа рабовладельцев, в деле борьбы против всяческих посягательств на существующий строй» (стр. 161). Формулярный процесс возник в связи с усложнением экономических отношений. «Нужен был новый процесс, более гибкий, и который устанавливал бы защиту более широкого круга отношений» (стр. 80).

Вместе с тем в учебнике подчеркивается консервативная тенденция права. «Новые отношения не сразу находят себе новую правовую форму, но втискиваются в рамки старых формул и институтов... Эксплоататоры стремятся сохранять неизменными правовые формы, этим они стремятся подчеркнуть незыблемость, особую авторитетность, «святость» права, существующего якобы независимо от жизненных отношений» (стр. 95).

Автор правильно определяет Римскую империю, как открытую диктатуру в интересах рабовладельцев. Он отмечает, что уже в начальный период империи «внешний блеск скрывает в себе внутреннее разложение рабовладельческого общества» (стр. 34). Вполне можно согласиться с объяснением колоната: «Тягостные условия аренды, свя-

занность колона полученной от землевладельца ссудой... необходимость пользоваться орудиями землевладельца,—все это приводит к прикреплению колона к обрабатываемому им участку» (стр. 55, ср. стр. 147).

Остается пожалеть, что И. С. Перетерский, как и автор первого выпуска, не нашел нужным дать характеристику международного права в древнем Риме. Правда, у нас нет кодекса этого права. Но практически оно существовало, во-первых, в виде так называемого фециального права, во-вторых, римляне, как и греки, признавали некие неписанные законы, которые в «Институциях» Юстиниана именуются *ius naturale* и характеризуются, как «нормы, которые одинаково соблюдаются у всех народов, установленные неким божественным провидением»¹. Наконец, римляне вступали в договорные отношения с другими народами и установили при этом определенные нормы и процедуры. Выработанные римлянами идеи международного и посольского права, нормы, касающиеся ведения войны и заключения мира, формы взаимоотношений Рима с провинциями, с варварскими племенами на границах Римского государства и с другими государствами, имеют большое значение и послужили основой для развития юридической мысли в последующие века. Поэтому отсутствие в учебнике этого важного раздела делает неполным изложение истории развития государства и права древнего Рима. Римские международные отношения должны занять соответствующее им место в учебнике.

Упущением является также отсутствие в учебнике систематического изложения организации местного управления и самоуправления. Отдельным категориям населения—гражданам, латинянам, пегринам—характеристика дана, но ничего не сказано о том, что такое муниципий, колония, *civitas libera*, *civitas libera et foederata*, каковы были их права и обязанности, каково было положение подчиненных Риму государств и т. д. Без этого государственный строй Рима, особенно империи, не может быть понят во всем его своеобразии.

Некоторые положения, выдвигаемые автором, требуют уточнения и более тщательной формулировки. На стр. 50 ограничение права рабовладельца отпускать рабов на волю (имеется в виду, вероятно, *Lex Fufia Caninia*) объясняется как стремление «безудержной жестокостью подавить даже всякий намек на протест со стороны рабов». На стр. 53 дается более правильная и глубокая оценка положения: массовый отпуск рабов на волю, вызвавший вмешательство правительства, «свидетельствует о кризисе рабовладельческой системы хозяйства... для господина в некоторых случаях является более выгодным пользоваться трудом своих вольноотпущенников... Распространение отпуска рабов на волю вызвало установление и новых, более простых способов отпуска на волю» (стр. 53).

Автор отмечает, что римское право в период империи «регулировало отношения римских граждан, те отношения, в которых была заинтересована правящая верхушка империи» (стр. 63). Здесь было бы уместно подчеркнуть другую сторону вопроса—значение применения римского права, как одного из рычагов, при посредстве которых проводилось нивелирование населения, приведение всех к одному уровню.

«Для заведывания местными делами в провинциях—читаем мы на стр. 39—имеются провинциальные собрания, в состав которых входили представители местной рабовладельческой знати». В действительности эти так называемые *collegia* не заведывали местными делами, а были в первую очередь культовыми объединениями, руководившими культом императора. Это засвидетельствовано и в законодательстве. В Дигестах (27, 1, 6, 14) прямо указано, что функция руководителей этих *collegia*, азиархов, вифиниархов и т. д.—это *ἐδυσὶς ἱεραρχία*, т. е. высшая жреческая должность.

Из замечания на стр. 41 можно подумать, что титул *dominus* императоры приняли в период домината. В действительности этим титулом именовали уже Домициана, а титул *dominus et deus* встречается на монетах Аврелиана, Проба, Кара.

В примечании на стр. 36 сопоставление коллегий и позднейших корпораций слишком формально; по существу это—разные вещи. Неудачно выражение на стр. 55:

¹ Inst. Just. I, II, 11.

«рабский труд не является прогрессивным способом производства». Автор, повидимому, хотел сказать, что рабский труд не стимулирует роста техники.

При характеристике домината приведены слова Ф. Энгельса, характеризующие рабскую империю.

Необходимо отметить имеющиеся в учебнике некоторые частные неточности и ошибки. Государственный строй принципата характеризуется автором как «федерация муниципий» (стр. 34). Это находится в вопиющем противоречии со всем, что известно об империи вообще, и со всем, что мы читаем о ней в самом учебнике. Ссылаясь на «Историю дипломатии» не снимает с автора ответственности за столь странное определение. В примечании на стр. 46 автор неправильно и без всякого основания высказывает предположение, что эдикт Каракаллы предоставлял право гражданства «прежде всего рабовладельцам и вообще обеспеченным слоям населения» (стр. 47). Текст эдикта, дошедший до нас в гиссенском папирусе, содержит еще много неясного. Но основной пункт его не вызывает сомнений: право гражданства дано всему населению империи (кроме дедитициев). О том же говорит Ульпиан: *in orbe Romano (qui sunt) (Dig. 1, 5, 17)*.

Явное недоразумение на стр. 54, где сказано, что вольноотпущенники, относящиеся к категории *peregrini dediticii*, это рабы, отпущенные на волю лицами, запятнавшими себя позорными деяниями. Речь идет, очевидно, о *lex Aelia Sentia*. Но по совершенно ясному изложению этого закона в «Институциях Гая» (1, 13) в категорию *peregrini dediticii* зачисляются вольноотпущенники, которые, будучи рабами, сами (а не их господа) были изобличены в преступлениях и подвергнуты пыткам и тяжким наказаниям.

Давая в основном правильную классовую характеристику римским государственным установлениям, автор иной раз слишком упрощает рисуемые им отношения. Так, о республиканской диктатуре автор пишет: «Для подавления революционного движения, для спасения рабовладельцев Рим отбрасывал даже тень демократизма и переходил к единоличной, абсолютной власти» (стр. 28). Такая характеристика республиканской диктатуры совершенно не конкретна. Она смазывает различие между республиканской, хотя и чрезвычайной магистратурой, и военной диктатурой Суллы, Цезаря и последующих римских императоров. Вообще в учебнике игнорируется римская демократия. Она, правда, не достигла такой полноты и расцвета, как демократия афинская, но ее следует все же противопоставлять монархической диктатуре периода империи, несмотря на то, что классовая основа обоих режимов была в конечном счете одна и та же. Точно так же не конкретна, не исторична и упрощена характеристика республики (стр. 22). В подобных случаях было бы правильнее, не упуская из виду рабовладельческой основы римского общества, учитывать сложность и конкретность исторических условий, в которых складывается тот или иной институт.

В следующем издании автору надо устранить некоторую небрежность стиля, имеющуюся в учебнике. Такие неудачные выражения, как «через ряд веков идет ряд восстаний» (стр. 21), «магистраты носили звание «honores»» (стр. 21), «во второй половине республики» (стр. 26), «сильная болезнь» (стр. 33), «сельскохозяйственная семья» (стр. 58) и многие другие, портят точное и ясное изложение. Непонятно, почему имя «Феодосий передается как Теодосий». Правильнее писать «сестерций» (*sestertius*), чем «сестерция». Количество опечаток здесь, как и в первом учебнике, значительно превышает отмеченные в списке.

Учебник заканчивается очень полезным и интересным приложением о позднейшем применении и разработке римского права в Западной Европе. Развитие римского права прослеживается в так называемых варварских государствах феодальной эпохи. Критическая работа юристов над памятниками римского права создала целые школы, развивавшие различные направления юридической мысли в буржуазной науке. Проф. Петерский правильно устанавливает, почему буржуазная юридическая мысль прикована была к формулам римского права. «Особенно сильны, — пишет автор, — римские влияния в области общих правил и неограниченной частной собственности и в области договорного права» (стр. 191).

Однако автор не разъясняет, какое же значение имеет изучение институций римского права в марксистской юриспруденции и каковы задачи советской юридической науки в области разработки достижений юридического мышления древних римлян, заслуги которых едва ли могут быть преуменьшены.

В следующем издании учебника это должно быть четко сформулировано.

Составление обоих рецензируемых учебников, несомненно, потребовало от авторов большой исследовательской работы и пересмотра всего имеющегося материала в свете марксистско-ленинской теории. Благодаря этому дан действительно исторический обзор истории государства и права, показывающий движение и изменение государственных правовых институтов в древности. Конечно, в ограниченных рамках краткого учебника многое пришлось опустить. Некоторые существенные вопросы остались недоработанными, особенно в учебнике С. Ф. Кечекьяна. Надо надеяться, что авторы, продолжая работу над своими учебниками, в дальнейших изданиях восполнят имеющиеся пробелы, устраним изъяны и создадут хорошие марксистские учебники, основа для которых намечена в рецензируемых изданиях.

А. Ранович. Проф. А. В. Мишулин

JACQUES VANDIER, La famine dans l'Égypte Ancienne (Recherches d'Archéologie, de Philologie et d'Histoire, vol. VII), XVI + 176 p.

Задача, которую поставил перед собой автор рецензируемой работы, состояла в том, чтобы собрать воедино все сведения, говорящие о случаях голода в Древнем Египте. Совершенно правильно опустив имеющиеся в большинстве текстов трафаретные формулы: «Я давал хлеб голодному, питье жаждущему и одежду нагому», за которыми вряд ли кроется конкретное содержание, автор, насколько я могу судить, собрал почти все¹ упоминания о голоде, имеющиеся в древнеегипетских текстах в иероглифических текстах эллинистического времени.

Эти тексты рисуют картину ужасающих эпидемий, которые влек за собой голод, а в двух случаях говорят и о вызванном им людоедстве.

Работа распадается на три части. Первая (главы I—IV) содержит исследование данных, вытекающих из собранного автором материала, во второй (глава V) дается анализ терминов, которыми передается в текстах самое понятие «голод», а в третьей (глава VI) приведены выдержки из текстов, относящиеся к исследуемой теме, даны их переводы, а также необходимый филологический комментарий.

Первая часть работы представляет наибольший интерес для уяснения позиций автора.

Выясняя причины голода и отмечая, что он проистекал из неурожая, связанного с недостаточным или, наоборот, чрезмерным подъемом Нила, автор вместе с тем приходит к совершенно правильному выводу, что одного этого обстоятельства было недостаточно. Он пишет на стр. 48—49 своей работы: если мы, прежде всего, спросим себя—мог ли только недостаточный подъем Нила быть причиной голода в Египте, то мы можем без колебания ответить: когда страна или область хорошо управлялись, это было невозможно. Недостаточный подъем Нила требовал порой мучительных ограни-

¹ Можно указать только на один текст, упущенный автором,—надпись на остраконе Туринского музея, содержащую гимн, посвященный окончанию волнений, имевших место в первые годы царствования Рамсеса IV; в нем упоминается также о голоде. Об этой надписи см. W. Spiegelberg, Die ersten Regierungsjahre Ramses IV, OLZ, 1927, стр. 73 сл.